

Избранные произведения

Луиджи Пиранделло

ИЗБРАННЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ

ФТМ

УДК 82/821-821.161.1
ББК 84(0)
ПЗЗ

*Перевод с итальянского Г. Рубцовой, Н. Рыковой,
Э. Линецкой, Н. Трауберг, Я. Лесюка*

Пиранделло, Л.

ПЗЗ Избранные произведения / Л. Пиранделло; [пер. с итал. Г. Рубцова, Н. Рыкова, Э. Линецкая, Н. Трауберг, Я. Лесюк]. – М. : Т8 RUGRAM / Агентство ФТМ, 2019. – 412 с.

ISBN 978-5-521-74673-6

Итальянскому писателю Луиджи Пиранделло была присуждена Нобелевская премия по литературе за драматургию и прозу. Именно он в Италии стал создателем нового жанра философской драмы. Его персонажи романа «Покойный Маттиас Паскаль» и герои новелл не оказывают какого-то влияния на эпоху, но они умеют сорвать с себя маску, обнажая перед читателем своё глубинное субъективное — своё многоликое «я». Как говорит сам автор: «То, что мы называем душою и что составляет всё живое, этот поток, продолжающийся незаметно...»

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения правообладателя.

УДК 82/821-821.161.1
ББК 84(0)
BIC FC
BISAC FIC000000

© Т8 RUGRAM, 2019
© ООО «Агентство ФТМ, Лтд.», 2019
© Перевод. Г. Рубцова, наследники, 2019
© Перевод. Н. Рыкова, наследники, 2019
© Перевод. Э. Линецкая, наследники, 2019
© Перевод. Н. Трауберг, наследники, 2019
© Перевод. Я. Лесюк, наследники, 2019

ISBN 978-5-521-74673-6

ПОКОЙНЫЙ МАТТИА ПАСКАЛЬ
(РОМАН)

1. ПЕРВАЯ ПОСЫЛКА СИЛЛОГИЗМА

Я знал очень мало, а достоверно мне было известно, пожалуй, только одно: меня зовут Маттиа Паскаль. И я этим пользовался. Если кто-нибудь из друзей или знакомых до такой степени терял рассудок, что приходил просить у меня совета или указания, я пожимал плечами, прищуривался и отвечал:

- Меня зовут Маттиа Паскаль.
- Спасибо, дорогой. Я это знаю.
- И тебе этого мало?

По правде сказать, этого было мало даже мне самому. Но тогда я еще не понимал, каково человеку, который не знает даже этой малости и лишен возможности ответить при случае:

- Меня зовут Маттиа Паскаль.

Иные, пожалуй, посочувствуют мне (это ведь так легко!), представив себе горе несчастного, который внезапно узнает, что... ну, словом, что у него никого нет — ни отца, ни матери, и что ему самому неизвестно, жил он или не жил. Конечно, такие люди начнут возмущаться (это ведь еще легче!) испорченностью нравов и пороками нашего жалкого века, обрекающего ни в чем не повинного бедняка на безмерные страдания.

Ну что ж, слушайте! Я мог бы представить генеалогическое древо, изображающее происхождение моей семьи, и документально доказать, что я знал не только своих родителей, но и своих предков, равно как их не всегда похвальные дела в давно прошедшие времена.

А что дальше?

А вот что: все, происшедшее со мной, очень странно и совершенно исключительно, да, да, настолько исключительно и странно, что я решил рассказать об этом.

Почти два года подряд я был хранителем книг, вернее — охотником за крысами в библиотеке, которую завещал нашему городу некий монсиньор Боккамацца, скончавшийся в 1803 году. Нет сомнения, что этот прелат плохо знал привычки и характер своих сограждан, если питал надежду, что дар его постепенно пробудит в их душах любовь к знанию. Могу засвидетельствовать, что такая любовь не пробудилась до сих пор, и говорю это в похвалу моим землякам. Городок был так мало признателен Боккамацце за его дар, что не подумал даже воздвигнуть ему статую — хотя бы бюст, а книги много лет валялись кучей в большом сыром складе. Потом их вытащили оттуда — можете себе представить, в каком виде! — и перевезли в отдаленную часовенку Санта-Мария Либерале, где, не знаю уж почему, запрещено было отправлять богослужение. Здесь их без всяких инструкций ввели, как бенефиций или синекуру, некоему бездельнику с хорошей протекцией, чтобы тот за две лиры в сутки проводил в библиотеке несколько часов в день, глядя или даже не глядя на книги и дыша запахом тлена и плесени.

Такой жребий выпал и мне. С первого же дня я проникся настолько глубоким презрением к книгам, печатным и рукописным (например, к некоторым старинным фолиантам нашей библиотеки), что ни тогда, ни теперь ни за что бы не взялся за перо. Однако я уже сказал выше, что считаю свою историю действительно странной и даже поучительной для любопытного читателя, если он, осуществив давнюю надежду покойного монсиньора Боккамаццы, забредет в библиотеку, где будет храниться моя рукопись. Впрочем, рукопись эта может быть выдана

ему для прочтения не раньше чем через пятьдесят лет после моей третьей, последней и окончательной смерти.

Ведь в данный момент (видит бог, мне бесконечно горько это сознавать!) я мертв. Да, да, я умер уже дважды — в первый раз по ошибке, а во второй... Впрочем, слушайте все по порядку.

2. ВТОРАЯ ПОСЫЛКА СИЛЛОГИЗМА (ФИЛОСОФСКАЯ) ВМЕСТО ИЗВИНЕНИЯ

Мысль или, вернее, совет писать мне подал мой уважаемый друг дон Элиджо ПеллеГринотто, нынешний хранитель книг Боккамаццы, которому я поручу свою рукопись, как только ее закончу, если это вообще когда-нибудь произойдет.

Я пишу эти записки в заброшенной часовенке при свете свисающего с купола фонаря, в апсиде, отведенной для библиотекаря и отделенной от зала низкой деревянной решеткой с маленькими пилястрами. Дон Элиджо тем временем пытит, выполняя добровольно взятую на себя обязанность и пытаясь навести хотя бы приблизительный порядок в этом книжном вавилонском столпотворении. Боюсь, однако, что ему не удастся довести дело до конца. Никто из прежних библиотекарей не пытался выяснить, хотя бы даже по корешкам, какого рода книги подарил городу прелат. Считалось, что все они — душе-спасительного свойства. Теперь ПеллеГринотто, к великой своей радости, обнаружил в библиотеке книги на самые разные темы; а так как их перевозили и сваливали как попало, путаница получилась невообразимая. Книги, оказавшиеся по соседству, склеились, образовав самые немыслимые комбинации. Дон Элиджо рассказывал мне,

например, что ему стоило большого труда отделить «Жизнь и смерть Фаустино Матеруччи, бенедиктинца из Полироне, которого коекто именует блаженным», биографию, изданную в Мантуе в 1625 году, от весьма непристойного трактата в трех книгах «Искусство любить женщин», написанного Антониом Муцием Порро в 1571 году. Из-за сырости переплеты этих двух книг по-братски соединились. Кстати, во второй книге этого непристойного трактата подробно говорится о жизни и любовных приключениях монахов.

Много занятных и приятнейших сочинений извлек дон Элиджо Пеллегринотто из шкафов библиотеки, целый день просиживая на лесенке, взятой им у фонарщика. Иногда, найдя какую-нибудь интересную книгу, он ловко бросал ее сверху на громадный стол, стоявший посредине часовенки; эхо гулко вторило удару, поднималась туча пыли, из которой испуганно выскакивало несколько пауков; я прибегал из апсиды, перепрыгивая через загородку, и сначала той же книгой прогонял пауков с пыльного стола, а потом открывал ее и начинал просматривать.

Так постепенно я приохотился к подобного рода чтению. Дон Элиджо говорил мне, что моя книга должна быть написана по образцу тех, которые он находит в библиотеке, то есть должна иметь свой особый аромат. Я пожимал плечами и отвечал, что эта задача не для меня. Кроме того, меня удерживало еще кое-что.

Вспотевший и запыленный, дон Элиджо спускался с лестницы и шел подышать воздухом в обнесенный заборчиком из прутьев и кольшков огородик, который ему удалось развести позади апсиды.

— Знаете, мой уважаемый друг, — сказал я ему однажды, сидя на низенькой садовой стене и опираясь подбородком о набалдашник трости, в то время как дон Эли-